

DOI: 10.31857/S241377150007800-3

“Санскритские очки” европейской лингвистики

© 2019 г. О. А. Волошина

Кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1
oxanav2005@mail.ru

*Дата поступления материала в редакцию 23 октября 2019 г.
Дата публикации: 31 декабря 2019 г.*

Резюме. Статья посвящена выявлению влияния санскрита и принципов описания языка, разработанных в древнеиндийской грамматике Панини, на европейскую лингвистику XIX и XX веков. Анализ базовых представлений об устройстве языка и методов лингвистического анализа, предложенных в древнеиндийских грамматиках, позволяет говорить о влиянии идей санскритских грамматистов на формирование компаративистики, типологии и даже структурного направления в европейской лингвистике.

Ключевые слова: древнеиндийская грамматика Панини, санскрит, европейская лингвистика.

Для цитирования: Волошина О.А. “Санскритские очки” европейской лингвистики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 6. С. 5–15. DOI: 10.31857/S241377150007800-3

“Sanskrit Glasses” of European Linguistics

© 2019 Oksana A. Voloshina

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
oxanav2005@mail.ru

*Received: October 23, 2019
Date of publication: December 31, 2019*

Abstract. The research is devoted to the influence of Sanskrit and the principles of language description developed in ancient Indian grammar by Panini upon European linguistics of the 19th and 20th centuries. The studying of the basic ideas about the structure of language and the methods of linguistic analysis proposed in ancient Indian grammars makes it possible to speak about the influence of the ideas of Sanskrit grammarians on the formation of comparativistic studies, typology and even structural approach in European linguistics.

Key words: ancient Indian grammar of Panini, Sanskrit, European linguistics.

For citation: Voloshina, O.A. “Sanskritskie ochki” evropejskoj lingvistiki [“Sanskrit Glasses” of European Linguistics]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 6, pp. 5–15 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007800-3

Идеи древнеиндийских грамматистов, изложенные в трактах Веданги, существенно повлияли не только на становление сравнительно-исторического языкознания и типологии в XIX веке, но и на формирование структурализма как главного

лингвистического направления, определившего вектор развития науки о языке в XX веке. Основные идеи и методы индийского языкознания заимствовались и более или менее успешно осваивались мировой лингвистикой XIX и XX веков,

причем оторванные от породившего их научно-религиозного контекста, древнеиндийские лингвистические понятия преобразались, искажались, по-разному интерпретировались современными научными направлениями.

В работе предпринимается попытка выявления влияния древнеиндийского языкознания (в частности, идей индийских грамматиков) на теоретические формулировки и методы исследования различных направлений европейской науки о языке. Самые разные лингвистические школы признавали в древнеиндийской грамматике Панини непревзойденный образец, обращались к методу анализа языка, разработанному в грамматике Панини, пытались заимствовать существенные научные понятия, подражать манере представления материала. Без преувеличения можно сказать, что “весьма значительная часть современной лингвистики возникла как размышления над сущностью метода Панини” [1, с. 98].

Историки языкознания, как известно, связывают становление индоевропейской компаративистики XIX в. с публикацией в 1816 году работы Франца Боппа [2], знаменитый труд Фридриха Шлегеля “О языке и мудрости индийцев” [3] считают исходной точкой развития лингвистической типологии, а идеи структурализма, согласно общепринятой точке зрения, впервые были сформулированы Фердинандом де Соссюром в начале XX века. Однако новая лингвистическая парадигма возникает не вдруг, новое научное направление формируется под воздействием (часто неосознаваемым) идей предшественников и современных ученых, является результатом синтеза разных источников. Как мы попробуем показать далее, влияние самого “материала” санскрита и приемов описания языка, изложенных в лингвистических трактатах Веданги, было так велико, что можно говорить о “санскритских очках” европейской лингвистики¹. Речь идет об ориентации на санскрит

¹ Об индоевропейских очках лингвистики XIX века писал Г. Шухардт, предлагая ученым-компаративистам избавиться от взгляда на индоевропейские языки как на образцовую языковую семью, с которой сравниваются другие языки мира. Такой пристрастный взгляд, по мнению Шухардта, неизбежно искажал общую картину сопоставительного анализа языков мира. Шухардт считал, что снять “индоевропейские очки” европейцам поможет привлечение экзотического лингвистического материала, в частности неиндоевропейских языков Европы. В статье “Баскский язык и языкознание” он писал, что благодаря баскскому языку ученые “избавились от индоевропейских “очков” и перестали, например, отделять имя от глагола, как это делали раньше” [7, с. 173]. “Очки” изменяют реально существующие языковые факты, не позволяют беспристрастно оценивать языковые явления, навязывая строй языка-эталона в качестве образца.

не только при реконструкции индоевропейского праязыка в рамках сравнительно-исторического языкознания, но и при описании принципов устройства языковой системы в целом, о том, что определенный язык (в данном случае санскрит) воспринимается учеными как образец, с которым сравниваются все остальные языки мира.

Именно санскрит, как известно, явился катализатором становления индоевропейской компаративистики, ведь архаичные черты древнеиндийского языка стали тем фоном, на котором родство классических европейских языков — древнегреческого и латинского — становилось очевидным. Ф. де Соссюр писал о роли санскрита: “сохраняемые им первоначальные элементы прекрасно помогают исследованию, и в огромном большинстве случаев именно санскрит оказывается в положении языка, разъясняющего различные явления в других языках” [4, с. 41]. Ориентация на санскрит как на древнейший индоевропейский язык, наиболее приближенный к праязыку, сохранялась на протяжении всего XIX века, с большим трудом индоевропейской компаративистике удалось “снять санскритские очки” и убедиться в том, что наряду с очевидными архаичными чертами древнеиндийский язык содержит и ряд инноваций, возникших в результате его исторического развития под влиянием различных факторов (в том числе и под влиянием дравидийских языков местного населения полуострова Индостан). “Санскритские очки” не позволили языковедам XIX века определить место санскрита среди других древних индоевропейских языков и способствовали неверному истолкованию многих фактов индоевропейской фонетики и грамматики. В частности, признание санскритского гласного *a* древнейшим звуком индоевропейского вокализма не могло объяснить многочисленных чередований в древних языках, и только понимание того, что не древнейший санскритский *a* “расщепился” в древнегреческом и латинском на *e* и *o*, а, наоборот, разные звуки слились в санскрите в единый *a*, позволило пролить свет на многие сложные вопросы индоевропейской фонетики [5, с. 82].

Однако не только сам языковой материал, но и разработанные индийцами методы исследования этого языка чрезвычайно обогатили европейскую лингвистику. Антуан Мейе в начале XX в. справедливо писал: «Знакомство с санскритом в двух отношениях имело решающее значение для создания сравнительной грамматики. Прежде всего, санскрит сохранил архаичную морфологию и систему согласных, позволяющих составить себе представление о том, чем мог быть индоевропейский язык... Во-вторых, индийские грамматики

произвели до самых мельчайших подробностей анализ фонетики и грамматики этого древнего языка; с начала XIX в. грамматики Кольбрука, Уилкинса (1808), Кери, Форстера, список корней Уилкинса (1815), издание “Амаракоша” и других туземных словарей, предпринятое Кольбруком (Калькутта, 1807), ознакомили европейских ученых с важнейшими результатами работы индийских грамматиков; в той широкой мере, в какой санскрит представляет индоевропейскую фонетику и морфологию, здесь уже был налицо независимый от греческих теорий анализ индоевропейской грамматики, достаточный для обновления лингвистических представлений и покоящийся на наблюдении фактов» [6, с. 448].

Представление о том, что слово синтезируется из морфем разного типа (корня и аффиксов), нашедшее отражение в знаменитой грамматике Панини Аштадхьяи, способствовало внедрению в лингвистический обиход и активному использованию понятия (и термина) морфема в трудах европейских ученых.

Еще в начале XIX века Франц Бопп, воодушевленный идеями древнеиндийских грамматистов, стал членить словоформы на морфемы и сравнивать глагольные флексии санскрита, латинского, древнегреческого и авестийского языков. Основной задачей лингвистического исследования Бопп провозглашает описание морфем (в формулировке Боппа “наделенных значением элементов”) [8, с. 111] и объяснение происхождения грамматических форм. Заимствуя приемы наивного этимологического анализа древнеиндийских лингвистических трактатов, Бопп пишет: «В санскрите и родственных ему языках существуют два класса корней; из одного, более многочисленного, возникают глаголы и имена... Из второго класса возникают местоимения, все древнейшие предлоги, союзы и частицы; мы называем их “местоименными корнями”, так как они выражают местоименные понятия...» [8, с. 109]. Полностью разделяя представление древнеиндийских грамматистов о происхождении глагольной словоформы путем соединения двух типов корней (знаменательных и служебных), Бопп пытается возвести глагольные флексии к личным местоимениям и объяснить формирование системы спряжения в индоевропейских языках соединением (агглютинацией) в словоформе двух типов корней — знаменательного (собственно корня) и служебного (аффикса), выражающего грамматические отношения. Доказательство гипотезы агглютинации двух типов морфем при формировании словоформы индоевропейских языков стало главной задачей Ф. Боппа.

В соответствии с принятыми в древнеиндийской лингвистической традиции описаниями Бопп посвящает отдельную главу (“О корнях”) характеристике корня как главной морфемы в словоформе санскрита и других индоевропейских языков. Очевидно, что представление об исходной корневой морфеме слова в индоевропейских языках возникло под влиянием индийской лингвистической традиции, ведь в древней Индии текст грамматики сопровождался приложением Дхату-патха — списком исходных корней санскритских словоформ. В контексте нашей работы важно обратить внимание на сам принцип членения словоформы на морфемы и, наоборот, синтез словоформы из различных морфем — принцип, на котором основано описание санскрита в грамматике Панини.

Например, в соответствии с предписанными грамматикой Панини правилами образования словоформ попробуем представить синтез именной словоформы женского рода именительного падежа единственного числа от глагольного корня bhū.

На первом этапе к исходному глагольному корню bhū (1.3.1)² [9, с. 139]³ прибавляем первичный именной суффикс kṛt (3.1.93). Термин kṛt является обозначением нескольких видов аффиксов, из которых в данном случае мы выбираем суффикс niṣṭha для синтеза отглагольной именной формы прошедшего времени (3.2.84). Термин niṣṭha также обозначает два типа аффиксов: Kta и Ktavat (1.1.26), для образования нужной нам формы мы выбираем аффикс Kta (3.3.114).

Полученная на данном этапе синтеза единица представляет собой именную основу prātipadika (1.2.45–46), к которой мы присоединяем вторичный именной суффикс taddhita (4.1.1). В результате получается цепочка ((bhū + kṛt) + taddhita).

Далее для получения вторичной именной основы применяем суффиксы, образующие основы женского рода (4.1.1.). В нашем случае воспользуемся суффиксом ṆiP (4.1.3,15): (((bhū + kṛt) + taddhita) + ṆiP).

В заключение к полученной вторичной именной основе женского рода присоединяем падежное окончание именительного падежа единственного

² Традиционно каждая сутра грамматики Панини нумеруется и обозначается последовательностью из трех цифр: первая цифра — это порядковый номер книги Восьмикнижия, вторая цифра — номер раздела и третья цифра — номер сутры. Например, сутра 1.3.1 — это первая сутра третьего раздела первой книги грамматики Панини.

³ Текст грамматики Панини цитируется по изданию Sharma R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition — 2000), Vol. III. 1995. (The second edition — 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI 2003.

числа sU (1.4.54, 102–104, 2.3.46). В результате проделанных операций мы получаем цепочку морфем, образующую искомую форму: (((bhū + kṛt) + taddhita) + NiP) + sU).

Таким образом, в грамматике Панини предписаны правила синтеза словоформы из морфем разного типа, словоформа понимается как конечный продукт синтеза и представляет собой цепочку морфем.

Стремление доказать идею синтеза индоевропейской словоформы из морфем, которые, по мнению Боппа, произошли от знаменательных и местоименных корней, заставило Боппа привлекать к исследованию все большее количество индоевропейских языков, членить слова на морфемы и сопоставлять морфемы разных языков. В результате удалось доказать родство индоевропейских языков и заложить основы сравнительно-исторического языкознания.

Компаративисты XIX века по достоинству оценили новую методику языкового анализа, примененную Боппом для доказательства родства индогерманских языков. В частности, представление древнеиндийских грамматистов о морфемном членении словоформы было положено Ф.Ф. Фортунатовым в основу учения о форме слова (формальная школа Фортунатова). По Фортунатову, словоформы индоевропейских языков членятся на две части: основу и флексию (в терминологии Фортунатова это основная и формальная принадлежность). Форма слов — это “способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой формальной принадлежностью, т.е. формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью” [10, с. 116–117]. Членение слова как минимум на две значимые части позволяет объединить слова в разные классы — с общей основой или общей флексией:

стол-ы шкаф-ы

стол-ом шкаф-ом и т.п.

Фортунатов пишет: “Всякая форма в слове является общей для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т.е. предполагает существование другой формы, с другой формальной

принадлежностью, но с теми же основами слов, то есть с теми же их основными принадлежностями” [10, с. 116–117].

Таким образом, именно морфема позволяет объединять слова, выстраивая семантические и формальные узлы: ряд слов с общим корнем или с общим аффиксом. Действительно, с одной стороны, корень выступает общим компонентом однокоренных слов, организуя лексемы в гнезда по признаку семантической общности, обусловленной деривацией одного и того же корня, например, *друг* — *другок*, *друзья*, *дружить*, *подружиться* и т.п. С другой стороны, аффиксальная морфема объединяет слова (и словоформы) с общим деривационным и грамматическим (реляционным) значением: *конфет-ниц-а*, *сахар-ниц-а*, *флаж-ок*, *шаж-ок*, *сестр-а*, *книга-а* и т.п. Важной морфемой, структурирующей и грамматические значения, и словоформы, выражающие грамматическую семантику, является флексия, которая объединяет существительные в склонения, а глаголы в спряжения, образуя парадигмы — образцы изменения словоформ в конкретном языке.

Неслучайно именно анализ формы слова позволил Ф.Ф. Фортунатову говорить о морфологии как центре организации языковой системы. Таким образом, представление о слове как цепочке разных типов корней (морфем), заимствованное европейскими лингвистами из древнеиндийских грамматик, выделение морфемы как особой структурной единицы, позволило сформулировать основные положения морфологии как краеугольного камня организации языка. Именно морфема, позволяющая объединять слова с общим корнем, общим словообразовательным или словоизменительным аффиксом, позволила обнаружить системные (формальные и семантические) связи в языке и стала основой структурного подхода в лингвистике. “Европейская лингвистика не только начинает использовать в лингвистическом исследовании термин морфема, но и делает понятие морфема краеугольным камнем нового подхода в науке о языке — структурной лингвистики” [11, с. 154].

Понимание словоформы как модели, согласно которой к корню последовательно присоединяются аффиксы разного типа, привело индийцев к мысли о наличии нулевой морфемы (lora) в неполной цепочке аффиксов. Очевидно под влиянием этой идеи Ф.Ф. Фортунатов впервые в отечественной науке о языке ввел понятие нулевой морфемы, обозначая значимое отсутствие аффикса в системе противопоставленных форм: *кот-∅* — *кот-а*. Системный подход позволил Фортунатову

выделить нулевой аффикс (например, в форме существительного мужского рода единственного числа именительного падежа: *кот-∅*), поскольку перечисленные грамматические значения должны быть формально выражены, как выражены значения родительного падежа единственного числа того же слова флексией *-а*: *кот-а*. Фортунатов пишет: “Формальная принадлежность в словах может быть не только положительной, но и отрицательной. ... Не только присутствие известного аффикса в сочетании с основами служит для образования известной формы, но вследствие этого и отсутствие всякого аффикса при тех же основах в других словах образует также форму слов по отношению этих слов к словам, заключающим в себе те же основы в сочетании с аффиксами” [10, с. 126].

Итак, морфема как структурообразующая единица языковой системы вычленяется из словоформы и идентифицируется в другом контексте с учетом постоянного фонемного состава и выражаемого значения. На этом свойстве основывается предложенная американским ученым Дж. Гринбергом процедура сегментации словоформы на морфемы, согласно которой выстраивается ряд форм, образующих “квадрат”: “Квадрат существует тогда, когда в языке имеются четыре значимые последовательности, принимающие форму: AC, BC, AD, BD. Примером в английском языке может служить *eating* *принятие пищи*: *sleeping* *процесс сна*: *eats* *ест*: *sleeps* *спит*, где A = eat-, B = sleep-, C = -ing и D – это -s” [12, с. 81].

Как базовая единица языковой системы морфема должна обладать постоянством формального и семантического состава, однако, как известно, морфема далеко не всегда сохраняет свой фонемный состав, в морфемах наблюдаются многочисленные чередования звуков, описание и объяснение которых стало важной задачей лингвистов.

Если морфема может менять свой фонемный состав, то насколько сильно это изменение может проявляться внутри морфемы, когда оно считается критическим, и мы перестаем отождествлять морфему? О возможности различной огласовки морфемы (в частности, корня) в индоевропейских языках пишет, например, А.Ф. Лосев, анализируя фонетическую огласовку корня *мн/мен/мин/ман* со значением мнения, размышления в разных языках. В русских словах *мнение* или *мнить* корень лишен гласного, то есть выступает в нулевой огласовке, этот же корень имеет огласовку *мен* в латинском слове *mens*, тогда как в латинском *memoria* этот же корень представлен формой *мем*. “Тот же самый корень фигурирует и в виде *мин*, как, например, в русских словах *упоминать*, *вспоминать*,

напомянуть... Огласовку *ман* лингвисты находят в греческом *mania*, обозначающем одержимость какой-нибудь одной мыслью... Огласовку *мон* имеем в латинском *moneo* *уещаю, убеждаю*. Но отсюда и латинские: *monstro* *указываю, показываю*; *monstrum* *знамение, предзнаменование, чудо, чудовище*... Старославянское и русское *память* тоже имеет своим корнем *мен*, поскольку это *я*, входящее в русское слово, в старославянском обозначается с помощью юса малого, а этот юс малый как раз и обозначает носовое *е*” [13, с. 165–166]. Общий корень, по мнению Лосева, нельзя произнести, можно произнести лишь его фонетические огласовки, которые языковое сознание объединяет на основе общего выражаемого данным корнем значения, связанного с мышлением, мнением. В рамках научной индоевропейской компаративистики необходимо было объяснить фонетический облик каждой морфемы в составе словоформ. Для нас важно здесь отметить, что стремление обнаружить закономерность в появлении различных огласовок корня также возникло в трудах европейских ученых под очевидным влиянием идей древнеиндийских грамматистов.

Как известно, древнеиндийская грамматика Панини начинается с определения гласных вридхи и гуна, играющих огромную роль в системе морфонологических чередований в санскрите. Это композиционное решение автора грамматики указывает на огромную значимость для древнеиндийской науки о языке выявления правил чередования гласных в словоформах санскрита.

Первая сутра грамматики вводит термин вридхи: *vṛddhi* *āT* *aiC*, то есть *гласные ā ai au* есть *гласные vṛddhi* (1.1.1.). Техническое обозначение *āT* с анубандхой *T* передает долгий гласный *ā*, пратьяхара *aiC* представляет класс дифтонгов в Шива сутрах – *ai*, *au*.

Вторая сутра *aT* *eN* *guṇa* (1.1.2) сообщает о том, что *гласные a, e, o* есть *гласные guṇa*. Техническое обозначение *aT* с анубандхой *T* передает краткий гласный *a*, пратьяхара *eN* – символ фонетического класса, представленного третьей сурой в списке Шива сутр (*e*, *o*).

Следующее правило грамматики Панини предписывает замену простых гласных *i u ṛ* гласными ступени *vṛddhi* и *guṇa*: *iko guṇa vṛddhi* (1.1.3).

При образовании различных грамматических форм санскрита огласовка корня может быть разной: гласный корня может выступать в нулевой ступени, ступени *guṇa* или *vṛddhi*. Нулевая ступень содержала краткие гласные (краткие гласные *a* (или нуль – *∅*), *i*, *u*). Далее, по мнению древнеиндийских ученых, после прибавления к этим

гласным краткого *a*, образовывалась огласовка второй ступени (гласные *guṇa* — *a e o*), прибавление еще одного краткого *a* давало третью ступень огласовки (*vr̥ddhi* — *ā ai au*). Таким образом, каждая следующая ступень содержала звуки более сложные, чем предыдущая. Так, ступень *guṇa* содержит краткий звук [a], который на ступени *vr̥ddhi* превращается в долгий гласный [ā], звуки [e], [o] превращаются на следующей ступени в дифтонги и т.п. Таким образом, в корне могли чередоваться гласные *o/a/ā*; *i/e/ai*; *u/o/au*.

Например,

слабая ступень	ступень <i>guṇa</i>	ступень <i>vr̥ddhi</i>
Нуль	<i>a</i>	<i>ā</i>
<i>i</i>	<i>e</i>	<i>ai</i>
<i>u</i>	<i>o</i>	<i>au</i> и т.д.

При образовании различных грамматических форм огласовка корня может быть разной: *vidya* знание — *veda* знаю — *vaidyas* ученый. Или *bodh* будить (ср. *бодрствовать*, *бдеть*) — *Buddha* (Будда — букв. *пробужденный*) и т.п.

Древнеиндийское учение о чередовании звуков в составе морфем подтолкнуло европейских ученых к попытке системного описания морфологических чередований, к задаче определения фонемного состава морфем, образующих словоформы. Конечно, не только в санскрите наблюдались регулярные чередования звуков в морфемах (например, германисты описывали подобные чередования звуков в германских языках), однако стремление сделать ступенчатые чередования звуков в морфемах основой описания языковой структуры возникло в европейской лингвистике под влиянием древнеиндийской системы чередования гласных.

Познакомившись с описанием системы чередования звуков, разработанной для санскрита древнеиндийскими грамматиками, европейские ученые еще в начале XIX века попытались и в других индоевропейских языках обнаружить в корнях слов ступенчатые грамматические чередования, то есть последовательные изменения звуков, при помощи которых выражаются грамматические значения. Это явление, широко представленное в санскрите и германских языках, назвали “внутренней флексией”. Кажущаяся тождественность грамматических чередований в санскрите и германских языках позволила немецким компаративистам заговорить о “внутренней флексии” как древнейшей структурной характеристике, общей для всех индоевропейских языков.

Еще в 1808 году в сочинении “О языке и мудрости индийцев” Фридрих Шлегель написал

о “структурном законе”, который наиболее последовательно проявлялся в санскрите и заключался в том, что все формы языка образовались “путем флексий или внутренних изменений и преобразований звуков корня” [3, с. 41]. В данном случае под “флексией” Шлегель понимал способность слов менять фонемный состав для выражения грамматических значений. Описание этого структурного закона позволило привести к общему знаменателю разнообразные чередования гласных в корнях индоевропейских слов.

В частности, Август Шлейхер в своем знаменитом “Компендиуме по сравнительной грамматике индогерманских языков” (1861) пытался обнаружить в каждом индоевропейском языке модель санскритских трехступенчатых чередований гласных, что позволило выявить общий принцип устройства этих языков [14, с. 65–66]:

Е	О	А
БРЕДЖ	БРОДНТН (БРОДЬ)	
ВЕДЖ	ВОДНТН	ВАЖДАТН
ВЕЗЖ	ВОЗНТН	
ТЕКЖ	ТОКЬ	ИСТАЧАТН
НЕСЖ	НОСНТН	ПРННАЩАТН
ПОГРЕБЖ	ГРОБЬ	
Ъ	Е	А
ВРЪТЪТН	ВРЕТЕНО	ВРАТНТН
		ВРАЩАТН
Ъ	Е	О
РЪЦН	РЕКЖ	ПРОРОКЬ
		ПРОРНЦАТН
		НАРЪКОВАТН
		НАРНЦАТИ

Мы видим, что основой для описания и систематизации гласных старославянского языка у Шлейхера был санскрит. Несмотря на то, что на словах Шлейхер провозгласил отличие индоевропейского праязыка от санскрита, все-таки представление о том, что санскрит ближе всего стоит к праязыку, поэтому лучше сохраняет черты первобытного праязыка, лежит в основе всех реконструкций Шлейхера. Даже композиция трактата Шлейхера подчеркивает особую значимость санскрита для компаративистики. Ведь санскрит возглавляет список древних индоевропейских языков, следуя за гипотетически реконструированным общим праязыком. Шлейхер полностью поддерживает гипотезу о существовании в индоевропейском праязыке трех гласных звуков: *a*, *i*, *u* (это базовые простые гласные в санскрите). К этим трем звукам, по мнению Шлейхера, можно свести все разнообразие гласных в индоевропейских языках, ведь каждая следующая “ступень” чередования представляет собой прибавление первичного

a к каждой простой гласной: $a + a > \bar{a}$, $a + i > ai$, $a + u > au$ и т.п. Очевидно, что несмотря на привлечение в сравнительно-исторические исследования славянских и балтийских языков, санскрит продолжал оставаться главным языком праязыковой реконструкции и эталоном описания структуры родственных индоевропейских языков.

Немногим позднее Николай Крушевский — ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ, предпринял попытку описания чередований, выявленных древнеиндийскими грамматистами, на материале старославянского языка. В работе “К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма” (1881) он показал роль чередований гласных корня в старославянском языке. В названии работы Крушевский использовал термин древнеиндийских грамматистов, подчеркнув влияние индийских лингвистических трактатов на его исследование. Крушевский пытался выстроить ряды значимых чередований в старославянском языке, в частности, он установил, что огласовка корня на *-o* характерна для именных форм, а огласовка на *-e/-i* — для глагольных.

Например:

воз // вез, нос // нес, ток // тек
мор // умереть, умирать
собор // собирать, соберу, собрать
гроб // погребать [15, 92].

Анализируя подобные примеры, автор стремился обнаружить в старославянском языке стройную систему грамматических чередований, какую мы находим в древнеиндийском языке. Поиск общего структурообразующего принципа описания разных языков позволил специалистам по истории языкознания назвать Н. Крушевского предтечей структурного направления в лингвистике [16, с. 4–24].

Основоположник структурализма Ф. де Соссюр также взял за основу реконструкции фонемного облика корня в индоевропейских языках идею о ступенях чередования гласных. Не случайно Соссюр писал о системе вокализма индоевропейских языков, ведь именно трехступенчатое чередование гласных санскрита позволяло выявить строение системы гласных звуков и вывести любую грамматическую форму, учитывая огласовку корня в конкретной словоформе. Соссюр пытался не только описать варианты чередования гласных в корне индоевропейского слова, но и выявить функции разных типов чередований. Он пришел к выводу об изменении системы чередований, о перестройке системы аблаута в древних индоевропейских языках. Сравнивая чередования в санскрите с системой аблаута в германских языках Соссюр

пишет: “Картина индоевропейского вокализма постепенно изменилась буквально на наших глазах” [4, с. 303]. Согласно Соссюру, чередования по-разному выглядят и меняют свою функцию в разные периоды развития родственных языков. Чтобы образовать новый аблаут, индоевропейским языкам “потребовалось бы расшатать элементы предыдущего, нарушить соответствующие функции различных фонем” [4, с. 411]. Соссюр не пытается сопоставлять старую систему санскритских чередований гласных гуна и вриддхи с аблаутом в германских языках, но идея о закономерной огласовке корня в составе словоформы возникла, очевидно, под влиянием древнеиндийской трехступенчатой системы чередований. Как в санскрите, в индоевропейских языках чередования гласных в корне представляли собой явление не фонетической, а морфонемотической природы. “Основной вывод Соссюра состоял в том, что за видимым беспорядочным разнообразием индоевропейских корней и их вариантов скрывается вполне строгая и единообразная структура корня, а выбор вариантов одного и того же корня подчинен единым, сравнительно простым правилам” [17, с. 290–291].

Задача описания и классификации чередований становится одной из важнейших для Бодуэна де Куртенэ в конце XIX века. Именно попытка объяснения изменений звукового состава морфемы приводит Бодуэна к необходимости классификации чередований звуков разной природы. Анализируя типы чередований, Бодуэн приходит к представлению о фонеме как постоянном элементе морфемы, способном реализовываться в звучащей речи разными звуками в зависимости от позиции. Очевидно, что признание за фонемой статуса идеальной единицы, занимающей в морфеме определенное место, но в речи реализуемой самыми разными звуками (даже нулем звука), было порождено структурным подходом к описанию языка. Прямой ссылки на идеи древнеиндийских грамматистов в работах по фонологии мы не находим, однако представление о спхоте (*sphota*) как общей идее звука, способного в различных контекстах воплощаться в звуках разной артикуляционно-акустической характеристики, восходит к представлениям индийских грамматистов.

Помимо различной огласовки корня в санскрите происходят многочисленные звуковые изменения аффиксальных морфем в процессе синтеза словоформ. В санскрите внешний облик каждой морфемы зависит от соседних морфем, то есть от контекста, в котором выступает морфема. Это свойство (контекстная вариативность морфем) присуще всем индоевропейским языкам, но важность теоретического осмысления этой особенности

индоевропейской морфологии стала очевидна после знакомства с санскритом, поскольку именно в санскрите вариативность морфем в словоформе представлена очень широко.

Например, существительное *bodha* пробуждение образовано от глагола *bodh-* пробуждать. От этого же глагола с помощью суффикса *-ta* может быть образовано причастие со значением *пробужденный*, но оно будет выглядеть как *buddha*, ведь присоединение суффикса *-ta* заставляет гласный корня *o* измениться на *u* (гласный гуна меняется на гласный вридхи по правилу чередования), глухой согласный *t* под влиянием предшествующего *dh* озвончается и также становится придыхательным (ассимиляция), а предшествующий *dh* в свою очередь теряет придыхательность (диссимиляция), в результате всех этих изменений получается *ddh*, то есть *dh + t > ddh*. Очевидно, что материал санскрита способствовал формированию в европейской структурной лингвистике морфонологии как нового направления, посвященного описанию фонемного состава морфем [11, с. 153].

Структурный подход к языку предполагал создание особого метаязыка — языка описания устройства языковой системы. Структурализм стал предлагать различные варианты формализации языковых явлений и процессов. И в этой области на европейскую (и американскую) лингвистику повлияли методы описания языка, предложенные древнеиндийскими грамматистами. Многочисленные термины и технические обозначения, которые позволяли в виде формул представить процесс синтеза словоформ в грамматике Панини, стали для структуралистов новым непревзойденным образцом лингвистического описания. Полнота и формализация представления грамматики санскрита, воплощенные в Аштадхьяи Панини, вдохновили американского структуралиста Л. Блумфилда на использование метода Панини в дескриптивной лингвистике. Ориентируясь на образцовое описание языка, разработанное Панини, Блумфилд конструирует модель порождения форм языка. По аналогии с грамматикой Панини Блумфилд создает собственную дескриптивную технику, которая включает разработку терминологии, приемов описания и анализа языка, правил членения речевого отрезка на элементы и принцип объединения этих элементов в классы, описание комбинаторики этих элементов (их дистрибуция) и т.п. [18, с. 1927].

Не случайно на Блумфилда ссылаются Р.О. Якобсон в работе “Русское спряжение”, предлагая опыт структурного описания системы спряжения русского глагола подобно тому, как описан санскрит в грамматике Панини. Якобсон пишет: “Задачей

настоящей статьи является строго синхронный формальный анализ модели спряжения в современном русском литературном языке” [19, с. 198]. Якобсон предлагает схемы образования (синтеза) форм глагольного спряжения путем присоединения окончаний к основам глагола. Якобсон описывает типы основ и чередования в основах, классифицирует флексии. Далее формулирует “общие правила” синтеза словоформ. Например, образование формы прошедшего времени происходит по следующей схеме: “2.111. Прошедшее время. Неоконечный суффикс *-l-*, обозначающий прошедшее время, имеет после себя суффикс, указывающий на род или на множественное число: м.р. — нуль, ж.р. — *a*, средн. р. — *o*, мн.ч. — *i*. Суффикс *-l-* перед *-i* превращается в *-l'-*, так как начальное *i* (или нуль, чередующийся с *i*) любого глагольного суффикса смягчает предшествующий согласный (ср. 2.122). После тех согласных, которые не подлежат изменению перед окончанием прошедшего времени, суффикс *-l-* опускается, если только за ним не следует гласный (*p'ók ~ p'ik-l-á⁴*, *n'ós ~ n'is-l-á*)” [19, с. 202].

Поскольку словоформа представляется Якобсоном как полная цепочка аффиксов, присоединяемых к основе и необходимых для образования определенной грамматической формы, отсутствие того или иного аффикса воспринимается как элизия: “Перед *j-* группа *vá*, если только ей предшествует *a*, опускается в настоящем времени, и ударение переходит на следующий слог. Например, *daváj-* повел. накл. *daváj ~ l-e* л. ед. ч. наст. вр. *daj-ú*, 3-е л. мн. ч. *daj-ú-t ~ ж.р. прош. вр. davá-l-a*, инф. *davá-t'*” [19, с. 203]. Такое представление о значении отсутствия аффикса аналогично представлениям о последовательном синтезе словоформы, представленном в грамматике Панини.

Исключениям и образованию форм неправильных глаголов, как и в грамматике Панини, посвящены специальные правила. В результате получается полное формальное описание механизма спряжения русского глагола. Якобсон пишет: “Правила, сформулированные выше и набранные прямым жирным шрифтом, позволяют каждому при беглом просмотре простого перечня полных основ вывести их полную модель спряжения со всеми возможными чередованиями в основе, окончании и в месте ударения” [19, с. 208]. И далее: “Если эти немногие правила дать в качестве введения, то достаточно было бы словаря, перечисляющего только полные основы глаголов, чтобы читатель мог

⁴ Знак *~* у Якобсона обозначает чередование, “акцентуационный знак акута (') над аффиксом указывает на то, что этот аффикс находится постоянно под ударением” [19, с. 202].

составить себе полное представление о спряжении соответствующего глагола” [19, с. 208].

Такое описание очень напоминает принцип подачи языкового материала в древнеиндийской грамматике Панини, ведь правила последовательного присоединения разных типов аффиксов к исходной основе, объяснение морфонологических чередований в основе и аффиксах, указание на исключения при образовании форм и составляют текст грамматики Панини.

Явное влияние методики описания языка, представленной в Аштадхьяи, на формальное представление русского спряжения проявляется и в манере подачи материала. Речь идет об иерархии правил, которыми оперирует Якобсон: основное правило, правило-ограничение, правило-исключение и т.п. Как известно, в тексте грамматики Панини также широко используется иерархия разных типов правил: правило-определение лингвистического понятия (введение термина — *saṁjñā*), правило-операция (предписание действия — *vidhi*), заглавное правило, вводящее тему (*adhikāra*), цепочка правил (*anuvṛtti*), интерпретирующее правило (*paribhāṣā*) и др. [20].

Влияние индийской грамматики на текст Якобсона обнаруживается и в терминологии, например, “фонологическую палатализацию перед палатализованными согласными в таких формах, как *grāp’-t’i*, *slāf’-t’i*, *v’ér’-t’i*” автор называет “особым законом сандхи” [19, с. 203], аналогично тому, как в древнеиндийской лингвистической традиции комбинаторные изменения звуков называются сандхи.

Таким образом, по аналогии с грамматикой Панини Якобсон предлагает системное описание механизма образования глагольных форм на материале русского языка. Структуралистов восхищало полное и непротиворечивое, строго формализованное представление грамматики санскрита, а во второй половине XX в. американские лингвисты стали проводить аналогию между Аштадхьяи и компьютерной программой, предписывающей алгоритм действий по порождению речи. Стоит заметить, однако, что в описании спряжения русского глагола, предложенном Р. Якобсоном, формализация описания становится целью, читателю очевидна искусственность структурных грамматик. А грамматика Панини была органичным порождением своего времени, был разработан специальный метаязык описания словоформ санскрита, уходящий корнями в ритуальные сакральные действия жрецов-брахманов.

Разные лингвистические направления и школы в XIX и XX вв. обращались к грамматике Панини,

пытаясь обнаружить в знаменитом тексте подтверждение собственных взглядов на язык и вновь изобретенных методов описания и анализа языка. Влияние идей древнеиндийских грамматистов на европейскую науку о языке было столь велико, что долгое время ученым не удавалось “снять санскритские очки”. Хотя на словах санскрит был лишен преимущества при реконструкции праязыка, а Август Шлейхер в середине XIX в. предлагал ориентироваться при описании структуры индоевропейских языков не только на санскрит, но на старославянский и на литовский, но на деле санскрит оставался основным языком индоевропейской компаративистики, а грамматика Панини — образцом лингвистического описания.

Анализ базовых представлений об устройстве языка и методов лингвистического описания, разработанных в древнеиндийской грамматике Панини Аштадхьяи, позволяет говорить о влиянии идей санскритских грамматистов на формирование компаративистики, типологии и даже структурного направления в европейской лингвистике. Индийская лингвистическая традиция обогатила европейскую науку совершенно новым методом анализа языкового материала, новыми понятиями и терминами, позволяющими европейским и американским ученым выстроить новую лингвистику путем синтеза индийских и европейских подходов к описанию языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зильберман Д. Б.* Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 445 с.
2. *Bopp Fr.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main, 1816. 312 p.
3. *Schlegel Fr.* Über die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808. 349 p.
4. *Соссюр Ф.* Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 302–557.
5. *Волошина О. А.* Роль санскрита в становлении лингвистической теории Ф. Ф. Фортунатова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 3 (180). 2019. С. 81–88.
6. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Изд. 4-е. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 512 с.
7. *Шухардт Г.* Баскский язык и языкознание // Шухардт Г. Избранные работы по языкознанию. Изд. 2-е. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 141–173.

8. Bopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833. 980 p.
9. Sharma, R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), 557 p.; Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), 829 p.; Vol. IV. 1999, 817 p.; Vol. V. 2001, 611 p.; Vol. VI. 2003. 831 p.
10. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение. Общий курс. М.: УРСС, 2010. 184 с.
11. Волошина О.А. Судьба древнеиндийского dhātu в европейской лингвистике // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2015. С. 151–157.
12. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
13. Лосев А.Ф. О первичных типах языковой сигнификации // Лосев А.Ф. Языковая структура. М., 1983. С. 144–178.
14. Schleicher A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. B.I. Weimar, 1861. B.II. 1862. 784 p.
15. Крушевский Н. К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма (1881) // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 71–95.
16. Березин Ф.М. Н.В. Крушевский – провозвестник лингвистики XX века // Крушевский Н. Избранные работы по языкознанию. М.: Наследие, 1998. С. 4–24.
17. Зализняк А.А. О “Мемуаре” Ф. де Соссюра // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: “Прогресс”, 1977. С. 289–301.
18. Bloomfield L. On some rules of Pāṇini // Journal of the American Oriental Society. Vol. 47. 1927. P. 61–70.
19. Якобсон Р.О. Русское спряжение // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 198–209.
20. Волошина О.А. Типы правил-сутр в грамматике Панини // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М. Тронского. СПб., 2019. С. 170–177.
- lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Frankfurt am Main. 1816. 312 p.
3. Schlegel, Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg. 1808. 349 p.
4. Saussure, F. *Memuar o pervonachal'noj sisteme glasnyh v indoevropskikh yazykah* [Memoir on the Initial Vowel System in Indo-European Languages]. Saussure F. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Proceedings in Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 302–557. (In Russ.)
5. Voloshina, O.A. *Rol' sanskrita v stanovlenii lingvisticheskoy teorii F.F. Fortunatova* [The Role of Sanskrit in the Formation of Linguistic Theory of F.F. Fortunatov]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. Petrozavodsk, No 3 (180), 2019, pp. 81–88. (In Russ.)
6. Meillet, A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Study of Indo-European Languages]. Moscow, URSS Publ., Ed. 4, 2007. 512 p. (In Russ.)
7. Schuchardt, G. *Baskskij yazyk i yazykoznanie* [Basque Language and Linguistics]. Schuchardt, G. *Izbrannyye raboty po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, URSS, Editorial Publ., Ed. 2, 2003, pp. 141–173 (In Russ.)
8. Bopp, Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833. 980 p.
9. Sharma, R.N. Aṣṭādhyāyī of Pāṇini. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), 557 p.; Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), 829 p.; Vol. IV. 1999, 817 p.; Vol. V. 2001, 611 p.; Vol. VI. 2003. 831 p.
10. Fortunatov, F.F. *Sravnitel'noe yazykovedenie. Obshchij kurs* [Comparative Linguistics. General Course]. Moscow, URSS Publ., 2010, 184 p. (In Russ.)
11. Voloshina, O.A. *Sud'ba drevneindijskogo dhātu v evropejskoj lingvistike* [The Fate of Ancient Indian Dhātu in European Linguistics]. *Sbornik Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. Materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati prof. I.M. Tronskogo* [Collection Indo-European Linguistics and Classical Philology. Readings on the Memory of Prof. I.M. Tronsky]. St. Petersburg, 2015, pp. 151–157. (In Russ.)
12. Grinberg, Dzh. *Kvantitativnyj podhod k morfologicheskoy tipologii yazykov* [A Quantitative Approach to the Morphological Typology of Languages]. *Sbornik Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. III, Moscow, 1963, pp. 60–94. (In Russ.)
13. Losev, A.F. *O pervichnyh tipah yazykovoj signifikacii* [About Primary Types of Language Signification]. Losev, A.F. *Yazykovaya struktura* [Language Structure]. Moscow, 1963, pp. 144–178. (In Russ.)

REFERENCES

1. Zilberman, D.B. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [Genesis of Meaning in the Philosophy of Hinduism]. Moscow, URSS, Editorial Publ., 1998. 445 p. (In Russ.)
2. Bopp, Fr. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen,

14. Schleicher, A. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. B.I. Weimar, 1861. B.II. 1862. 784 p.
15. Krushevskij, N. *K voprosu o gune. Issledovanie v oblasti staroslavjanskogo vokalizma (1881)* [To the Question of Guna. Research in Old Slavonic Vocalism]. Krushevskij, N. *Izbrannye raboty po yazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 71–95. (In Russ.)
16. Berezin, F.M. *N. V. Krushevskiy – provozvestnik lingvistik XX veka* [N.V. Krushevsky – Predecessor of Linguistics of the 20th Century]. *Krushevskiy N. Izbrannyye raboty po yazykoznaniju* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, 1998, pp. 4–24. (In Russ.)
17. Zaliznyak, A.A. *O “Memuare” F. de Sossyura* [About the “Memoir” of F. de Saussure]. Saussure F. *Trudy po yazykoznaniju* [Proceedings in Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 289–301. (In Russ.)
18. Bloomfield, L. On some rules of Pānini. *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 47. 1927. P. 61–70.
19. Jakobson, R. *Russkoe spryazhenie* [Russian Conjugation]. Jakobson, R. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 198–209 (In Russ.)
20. Voloshina, O.A. *Tipy pravil-sutr v grammatike Panini* [Types of Sutra Rules in Panini Grammar]. *Sbornik Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. Materialy chtenij, posvyashchennyh pamyati prof. I.M. Tronskogo* [Collection Indo-European Linguistics and Classical Philology. Readings on the Memory of Prof. I.M. Tronsky]. St. Petersburg, 2019, pp. 170–177. (In Russ.)